

Тосмакпа

1

Риксону Уэбстеру было двенадцать, он жил в мире без сюрпризов и ничему не удивлялся.

Например, Риксон точно знал: если мамины шаги замерли под дверью его комнаты — значит, мама настроена поговорить. Пусть даже на часах четверть двенадцатого ночи.

— Рикси, лапочка, — сказала мама, приоткрыв дверь, — у меня для тебя новости.

В ответ Рикси буркнул что-то неразборчивое. Может, притвориться, что он уже спит? Нет, не работает. Мама просто сядет на край кровати и будет ждать, пока он заворочается. И вообще, Рикси теперь нес за маму «ответственность». Так выражался папа.

Поэтому Рикси ничего не оставалось, как нащарить выключатель у кровати. Он замигал от резкого света и посмотрел на мамино лицо.

Губы у мамы были поджаты, а брови насуплены. Рикси мигом почувствовал, в чем дело. Сейчас он услышит «кое-что серьезное». Нет, чутье подсказывало: «кое-что печальное».

— Послушай, Риксон, — начала миссис Уэбстер, — я не хочу, чтобы ты слишком переживал...

Риксон сел на кровати и приготовился изобразить умеренное переживание. Подобающее.

— Но мне только что позвонили с новостями, — продолжала мама. — И новости скорбные. Не так-то легко это сообщить, но, увы, я должна. Умер дедушка Сильвестр.

Риксон знал: вот тут-то полагается отреагировать. Было лишь одно «но»: он понятия не имел, кто такой дедушка Сильвестр. Имя было знакомое — вроде бы так звали персонажа из пьесы, которую ставили в школе прошлым летом. Но упоминать сейчас школьный спектакль было не к месту. И Риксон промолчал.

К счастью, похоже, мама именно этого и ждала.

— Ах, лапочка, я вижу — ты потрясен до глубины души.

— Да, — выдавил Риксон.

— Вот и я тоже, — сказала мама и принялась грызть ноготь на большом пальце левой руки. Дурной знак. Разволновалась.

— Когда ты с ним в последний раз виделась? — поспешно спросил Риксон.

— С дедушкой Сильвестром? О, очень давно, — призналась мама, — но в детстве я его просто обожала. Он был такой чудак... но такой добряк. Наверное, потому-то я и назвала тебя в его честь.

А вот это и правда новости! Целых двенадцать лет Риксон терпеливо носил свое дурацкое имя в школе и дома, и вот здарсьте вам — теперь понятно, откуда оно взялось. Вернее, пока не совсем понятно.

— Но ведь ты сказала, что дедушку звали Сильвестр.

— Да.

— Но меня-то зовут не так, — терпеливо напомнил Риксон.

— Да, назвать тебя Сильвестром было бы нелепо. Нет, Риксон — это была его фамилия. Моей маме он приходился братом, мне — дядей, значит, тебе — двоюродным дедушкой, понимаешь?

— А-а-а, — сказал Риксон. — Ну да.

— Но главное, — продолжала мама, — что я его единственная здравствующая родственница, во всяком случае, самая близкая.

Мама не сводила с Риксона глаз и даже протянула руки, чтобы взять его за пальцы. Давно он не видел маму такой. Но она была вовсе не расстроена, а скорее приятно взволнована.

— Ну и дальше что? — отважился Риксон. Мамины ногти уже впились ему в кожу.

— Завтра мы пойдем к юристу.

С той самой минуты, как мама вышла за дверь, и до того самого часа, когда они сели в поезд, и до той самой

секунды, когда они остановились перед старым кирпичным домом, мама ни словом не обмолвилась о том, что сегодня четверг и Риксон вообще-то пропускает уроки.

Риксон, разумеется, молчал как рыба. Боялся спугнуть неслыханную удачу. Но теперь, у дверей старого кирпичного дома, он забеспокоился. Очень уж все необычно складывалось — даже жутковато.

Риксон посмотрел на маму. Она нарядилась в длинную красную юбку — он такой никогда на ней не видел — и зеленый жакет с золотой брошкой. И слегка смахивала на перевернутый светофор. Но об этом Риксон тоже промолчал. Мама пристально изучала листок бумаги и переводила глаза с него на металлические таблички на двери дома и обратно. На каждой табличке было какое-то имя.

А Риксон тем временем посмотрелся в ближайшее окно, как в зеркало. Светло-каштановые волосы лежали послушнее, чем всегда. Еще бы! Мама так яростно его причесала перед выездом. Правда, одна непокорная прядь все равно стояла торчком. Веснушки в окне было не разобрать, но Риксон знал, что они никуда не делись. Баз Хан, школьный задира, говорил, что только на носу у Риксона сто одна веснушка, и поэтому прозвал его «далматинцем». Ну да, есть же такой диснеевский мультик про сто одну пятнистую собачку. Риксон решил, что бывают клички и похуже.

— Риксон, просыпайся! Шевелись, идем внутрь.

Мама схватила его за рукав свитера, а сама уже жала на кнопку звонка. Тяжелая деревянная дверь отворялась

так медленно, что Риксон успел прочитать имя на табличке над звонком — и только потом мама втащила мальчика внутрь.

«Арнольд Скрипс» — гласила табличка. Странная фамилия, подумал Риксон.

Вообще-то он смутно представлял себе, чем занимаются юристы. И уж точно не предполагал, что Арнольд Скрипс вот-вот изменит всю его жизнь.

Риксон с мамой вошли в кабинет.

— Добрый день, добрый день, юный мистер Уэбстер. И благодарствую за деньги, — раздался голос из-за массивного деревянного стола.

Вид у мистера Скрипса был, мягко говоря, необычный. Лицо все морщинистое и помятое, словно скомканная бумага. Голова — лысая как коленка, и над ней вопросительными знаками торчат несколько седых прядей. Но самое удивительное заключалось в другом: старичок обращался только к самому Риксону, а его маму точно в упор не видел.

— Надеюсь, вы не слишком огорчены, что пропустили уроки, — продолжал мистер Скрипс. — Я-то в свое время больше всего любил среду. По средам мы занимались на спортивной площадке. Надеюсь, в эту прекрасную солнечную среду вы не остались без спортивных занятий, Риксон?

— Сегодня вообще-то четверг, — ответил Риксон.

— Да что вы говорите! В самом деле? Ах да, конечно. — Мистер Скрипс откинулся на спинку стула и хохотнул, но хохоток тотчас перешел в кашель.

— Гм! — Мама Риксона выждала, пока кашель утихнет, и многозначительно прочистила горло. — Мы не могли бы перейти к делу?

От Риксона не укрылось, что вид у нее свирепый. От мистера Скрипса это тоже не укрылось.

— О, миссис Уэбстер! — Юрист извлек из нагрудного кармана очки в металлической оправе, нацепил на нос и подался вперед. — Разумеется, вы тоже должны были пожаловать, как же иначе.

— Я приехала, потому что вы написали мне, — ледяным тоном ответила Ребекка Уэбстер. — Приехала, чтобы узнать, что именно оставил мне в своем завещании милый дядя Сильвестр, и я бы очень, очень просила вас поторопиться.

— Простите, — сказал мистер Скрипс. Очки съехали у него с кончика носа и упали в полупустую чашку с чаем.

Потом началась скукота. Мама завела разговор с мистером Скрипсом; Риксон честно попытался вслушаться и что-то понять, но старик жужжал и жужжал одну длинную непонятную фразу за другой, и все они начинались со слов «с точки зрения закона».

Наконец мистер Скрипс сообщил, что покойный дедушка Сильвестр был вроде как исследователем и путешественником, и тут Риксон наострил уши.

— Возможно, он разбогател, собирая драгоценности и редкости, хотя доподлинно это неизвестно...

Дальше мистер Скрипс сказал, что дедушка погиб в кораблекрушении — ух ты, как интересно-то!

Но мама Риксона настойчиво хотела выяснить кое-что другое.

— Пожалуйста, — с нажимом сказала она, едва скрывая гнев, — можно уже перейти к завещанию?

Арнольд Скрипс поднял на нее глаза и медленно кивнул. Потом повернулся к Риксону, еще раз кивнул, торжественно и серьезно, и, наконец, уткнулся носом в листок, который лежал перед ним на столе. Откашлялся.

— Ко времени своей кончины, — неторопливо начал мистер Скрипс, — Сильвестр Риксон был миллионером. Точнее, более чем миллионером. Если хотите, он был дважды с половиной миллионером.

Мама ахнула так громко, что Риксон в испуге схватил ее за руку. Вдруг она сейчас хлопнется в обморок? Он знал: от потрясения иногда приключается обморок. У него и самого голова пошла кру́гом.

— То есть у него было два с половиной миллиона? — пролепетала мама.

— Именно, — ответил мистер Скрипс, — и всё после его смерти должно было отойти его бенефициару — об этом в завещании говорится яснее ясного.

— Да, да. — Мама Риксона горячо закивала.

— Все деньги достаются... — продолжал мистер Скрипс.

— Его ближайшей здравствующей родственнице, племяннице, Ребекке Уэбстер, — закончила мама.

Однако мистер Скрипс словно не слышал и читал дальше:

— Все деньги достаются, — твердо произнес он, — Северо-Ниблингтонскому обществу защиты чаек.

— Ч-ч-чего? — Мама Риксона запнулась.

— Общество получило совет потратить фонды, во всяком случае часть средств, на оплату плавучей лечебницы для чаек, если это осуществимо. Эта новая постройка позволит спасти любую птицу, раненную в море.

Мама Риксона уставилась на старика, разинув рот. Мальчик видел, как язык ворочается у нее между зубами, но она не произносила ни звука. Вытянула руки вперед и застыла, точно статуя, которая пытается поймать мяч.

— Как я понимаю, миссис Уэбстер, вы ждали других новостей? — спросил мистер Скрипс.

Мама побледнела как молоко. Ей чуть не досталось маленькое состояние — и вот оно развеялось как дым.

— Лечебница для чаек? Плавучая лечебница для чаек? Для птиц? Прямо в море? — прошептала она.

— Именно так, — мистер Скрипс поглядел на нее едва ли не жалостливо. — Я позволю себе сказать, что это оригинальная, новаторская идея — и практически бессмысленная.

Интересно, на что вообще похожа морская лечебница для чаек, задумался Риксон. Как она будет работать? Что, птички доктора будут рыскать по морю в окрестностях лечебницы и искать подбитых птиц? И как искать — на водных лыжах?

— Пошли, Риксон. — Мама схватила его за руку. — Увы, мы попусту потратили время.

Однако старый юрист еще не закончил.

— Миссис Уэбстер, я призываю вас, — нет, я настаиваю, — чтобы вы не двигались с места, пока я не огласил завещание целиком. Если же вы непременно хотите уйти, будьте столь любезны оставить здесь Риксона. Ему обязательно нужно услышать остальное.

Риксон, которого мама волокла к двери, остановился как вкопанный и обернулся.

— Я? Мне? — спросил он.

Мистер Скрипс кивнул еще торжественнее, чем раньше. Риксон выдернул руку из маминой.

— Риксон, вы понимаете, что такое завещание? — спросил старик и, кряхтя, поднялся на ноги.

— Да, разумеется, — ответил мальчик. — Прежде чем тебя не станет, ты распоряжаешься, что потом будет с твоими деньгами. Ну, когда ты помрешь.

Мистер Скрипс кивнул и выпрямился во весь рост. Ого-го, ну и высоченный! Да в нем метра два, не меньше: макушка с седыми прядями едва не задевает потолок.

— Вы правы, Риксон, — произнес мистер Скрипс, — но в то же время вы заблуждаетесь. Речь в завещании идет не о деньгах. Есть кое-что куда более ценное.

Мама, кажется, что-то промычала. Риксон разобрал: «Ну да, только богачи считают, будто есть нечто более ценное, чем деньги...»

Однако Арнольд Скрипс не обратил на нее внимания.

— В завещании распоряжаются не только деньгами, но и имуществом, Риксон. Покойный решает, что кому достанется, понимаете?

Риксон кивнул: чего тут не понять?

— Итак, Риксон, мне надлежит сообщить вам, что теперь, с точки зрения закона, вы — официальный владелец...

— Да? — поторопил старика Риксон. А вдруг дедушка оставил ему в наследство телескоп? Он же был исследователем. Риксону всегда ужас как хотелось телескоп.

Мистер Скрипс набрал в грудь воздуха, вперил в Риксона взгляд и веско закончил:

— ...владелец острова.

На миг-другой наступило молчание, потому что Риксон не сразу нашелся, что ответить.

— Че-го? — не веря своим ушам, спросил он.

Наверняка ему послышалось. Или мистер Скрипс пошутил. Но морщинистое лицо старика оставалось совершенно серьезным.

— Что-что? — спросила и мама, уже погромче.

— Остров? — повторил Риксон, все ожидая, что старик вот-вот рассмеется.

Но мистер Скрипс держался торжественно и важно.

— Совершенно верно, вам по завещанию достается остров, — кивнул он.

Юрист извлек из ящика письменного стола какой-то потрепанный документ и развернул его. Один край придавил вазой с засохшими цветами, другой — увесистым словарем. Потом поманил к себе Риксона:

— Подойди поближе, рассмотришь получше.

Документ пожелтел от времени и местами был порван, а надписи выцвели, но Риксон сразу понял, что перед ним.

— Это же карта! — воскликнул он. — Только какая старая...

— Карта эта была начерчена в 1792 году, — подтвердил мистер Скрипс. — Большая редкость, большая ценность, а для нас — просто необходимейший документ.

Палец мистера Скрипса медленно пополз по карте.

— Вы ведь живете в Гилбертоне, Риксон?

Мальчик кивнул. Он в жизни больше нигде и не бывал.

— Итак, Гилбертон находится приблизительно вот здесь, — сказал мистер Скрипс и постучал ногтем по пустому месту на карте. — В восемнадцатом веке там были просто поля, — объяснил он.

— А-а, ясно, — промямлил Риксон, разглядывая карту, — а ну как что-нибудь на ней узнает? Надписи были сделаны старинным рукописным шрифтом, таким вычурным и кудрявым, что Риксону было ни слова не разобрать. А вот зубчатые очертания на правом краю карты...

— Это берег? — нерешительно спросил Риксон.

— Именно так, — ответил мистер Скрипс. — И я хочу, чтобы сюда вы посмотрели как можно внимательнее. Давайте начнем с береговой линии и, так сказать, двинемся в путь на запад, в море. Теперь сосредоточьтесь.

Ноготь мистера Скрипса медленно пропутешествовал по воображаемой диагонали — от жирной линии, обозначающей берег, далеко в море. И у самого краешка карты ноготь вдруг остановился.

— Вот проклятье! — воскликнул старик. — Опять потерял.

Он раздраженно захлопал ладонью по столу, и от этих хлопков на деревянной столешнице что-то забрякало. Риксон придвинул мистеру Скрипсу большую лупу.

— Может, пригодится? — спросил он.

— Да, превосходно! — отозвался старик. — Должно быть, я забыл ее на столе нынче утром, когда пытался отыскать остров. А теперь, повторяю, сосредоточьтесь.

Мистер Скрипс с кряхтением склонился низко над картой, держа лупу прямо над ней. Риксон тоже наклонился. Он слышал, как мама тяжело вздыхает, переминаясь с ноги на ногу у двери. Но у него и в мыслях не было уйти на самом интересном месте.

— Ага! Вот он, нашел, нашел! Взгляните сюда, Риксон!

Мистер Скрипс слегка подвинулся, чтобы Риксону было удобнее посмотреть в лупу. Мальчик поглядел в нее правым глазом, потом зажмурил его и поглядел левым. Никакой разницы! Как он ни всматривался, ему ничего не удалось разобрать на старой карте, кроме крошечного черного пятнышка. Вроде запятой — маленькой одинокой запятой, со всех сторон окруженной морем. Прищурившись, Риксон с величайшим трудом разобрал выцветшую карандашную стрелку. Она тянулась от запятой к какой-то надписи. Надпись состояла из двух слов, и оба даже в лупу было трудно прочесть — так мелко их написали. Первое слово почти стерлось и от него остался лишь хвостик: «ов». Второе начиналось с буквы «о», потом шла, кажется, «с». Остальные размазались, но вот что-то похожее на «л».

— Ов... ос... — прочитал вслух Риксон. — А между ними еще несколько букв. По-моему, стрелка указывает на малюсенький остров.

— Да, на малюсенький остров, — подтвердил мистер Скрипс. — Он такой крошечный и незначительный, что с того года ни разу не появлялся на картах. Однако твой дедушка знал о его существовании — пусть больше никто и не знал, — и объявил остров своей собственностью.

— Что? Вы серьезно? — спросила мама, так и топчась у двери.

— Вполне серьезно, — сказал мистер Скрипс, но даже головы не повернул. Он смотрел прямо на Риксона.

— Остров принадлежал Сильвестру Риксону, и мы располагаем всеми документами, которые это подтверждают, — продолжал он. — А теперь этот остров... ваш.

Риксону показалось, что желудок у него внезапно ухнул в коленки. Но мистер Скрипс сохранял полнейшую невозмутимость, только улыбался и говорил важным юридическим тоном:

— Риксон Уэбстер, я обязан сообщить вам, что с этого дня, согласно воле вашего покойного дедушки Сильвестра, вы — законный и полноправный наследник этого крошечного клочка суши.

2

Целую неделю ответ мамы звучал проще простого. Стоило Риксону задать вопрос, как мама коротко отвечала: — Нет!

Беда в том, что Риксон отлично понимал, почему она так говорит. Он вообще всегда понимал, почему кто-то что-то говорит или думает. Сейчас он отлично понимал, почему мама не хочет, чтобы он пускался на поиски острова Осколок. Но Риксон не просто хотел отправиться на поиски! Он обязан был найти остров. Ведь это его собственность, его земля, его владения. Разве можно оставить их на карте и ни разу не посетить?

Но вот в чем загвоздка: Риксон уже искал в библиотеке (дважды) и порылся в интернете (там он рылся